

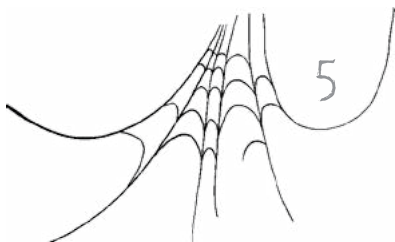
У НАС ВСЕ ХОРОШО!

Я не помню, как отчим впервые появился в доме. Когда я говорила об этом маме, она удивлялась: «Ну как же! Я же вас еще в прихожей представила друг другу, он сразу попросил обращаться на "ты" и по имени... Помнишь, тапочки ему еще не сразу нашли?»

Я не помнила ни тапочек, ни прихожей. Впервые я его увидела в гостиной. Он сидел в старом кресле, очень прямо, говорил тихо, благодарил за угощение и, похоже, был слегка растерян. А я украдкой разглядывала его лицо.

Многие потом говорили, что он красив, теперь я понимаю, что это действительно так. Волосы и брови у него были белые как снег, а кожа загорелая. Но я тогда была уверена, что настоящие красавцы должны быть бледными и черноволосыми.

В дверях показался кот. Вообще-то он терпеть не мог гостей, прятался, а покидал убежище не раньше чем через полчаса после того, как за чужаком запирали дверь. Но тут Бармалей вдруг вышел на середину комнаты, уставился на Эрика (я знала, что так его звали, хотя, клянусь всем, чем можно, никакого имени он не называл, ни в прихожей,

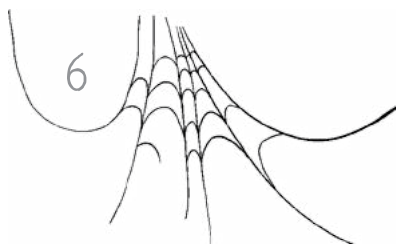
ни позже), нерешительно подошел ближе, пошевелил усами — и вдруг мягко прыгнул отчиму на колени. Эрик осторожно погладил кота — тот совсем обрадовался.

Эрик почесывал кота, а сам смотрел на меня и улыбался. Я невольно улыбнулась в ответ и подумала, что белые волосы — это, в общем, красиво. Особенно когда глаза у человека голубые, а ресницы словно покрыты инеем.

Бармалей нежился. Так он вел себя разве что в котеночьи дни, когда я, тогда еще первоклассница, принесла домой комок серого пуха со сверкающими глазенками. За шесть лет комок превратился в здоровенного зверя, лезть на руки разлюбил, держался независимо и не столько ласкался, сколько милостиво позволял себя гладить. Сейчас он терся башкой о свитер Эрика, а его мурлыканье было слышно, наверное, из соседней комнаты. Это было прекрасно.

Вот только кота у нас никогда не было. Я сколько раз просила маму котенка завести, но она отмахивалась: сил нет, животному внимание нужно, а меня на тебя-то едва хватает.

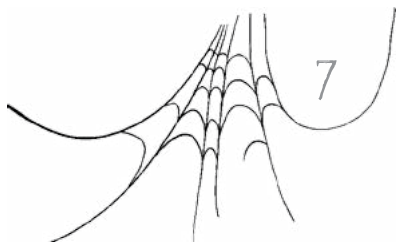
Мама сказала, что Эрик отныне будет жить у нас. Он притащил из прихожей небольшую спортивную сумку — там, кстати, нашлись и домашние тапочки — совершенно непонятно, зачем понадобились гостевые. Вещей оказалось неожиданно много: наутро, например, мама готовила кофе не в старенькой джезве, а в крутой кофеварке. На вешалке появились две куртки, на полочке под ними — ботинки и кеды, в ванной — еще одно полотенце, не наше,

и вторая зубная щетка в мамином стаканчике. Эрик уверенно жарил яичницу, не спрашивая, где сковородка, деревянная лопатка или прихватка для горячего, — он просто брал вещи не глядя, словно всю жизнь провел на этой кухне и сам расставлял все по местам. Мы с мамой гораздо чаще терялись и бормотали: «Куда подевалась синяя миска?» или «Я же точно помню, у нас оставалось еще молоко». С Эриком такого случиться не могло.

Наша жизнь стала меняться. На осенних каникулах вдруг затеяли ремонт. Узнав об этом, я чуть не разревелась: отдых будет испорчен! Но, как ни удивительно, каникулы получились неплохие: я целыми днями развлекалась, почти не принимая участия в делах. Обошлось без недоразумений, рабочие приходили и уходили вовремя. Ужинали мы в кафе или разогревали полуфабрикаты в микроволновке, раза два я ночевала у бабушки. Должно быть, у Эрика водились деньги, потому что, когда каникулы закончились, мы вдруг оказались в совсем другом доме, красивом и удобном, о котором я мечтала, но и заикнуться не могла.

Особенно преобразилась гостиная... то есть это мы с мамой так ее называли. Отец, когда еще жил с нами, говорил «большая комната», а бабушка — «зала». Когда-то здесь стоял телевизор, но, когда он сломался, новый мы решили не покупать и просто сидели тут вечерами: мама с компьютером, я — с планшетом. В праздники здесь ставили стол, хотя обычно ели на кухне. Иногда мы фантазировали, что неплохо бы ободрать обои и покрасить стены или

занавески поменять, но всегда откладывали это на «потом», зная, что потом никогда не наступит.

Теперь наши мечты сбылись: оштукатуренные стены, новые мебель и люстра, мягкие бордовые шторы. И камин. Мы знали, конечно, что когда-то в углу была печка, которую — будь у нас желание и деньги — мы могли бы восстановить. Желание было, денег не хватало никогда, поэтому мы об этом даже и не мечтали.

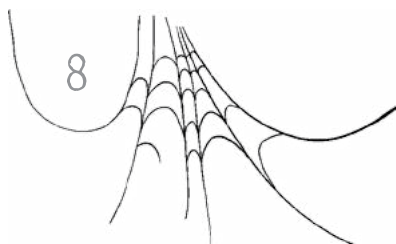
Теперь камин красовался в углу, уже растопленный, — когда только Эрик успел? Вроде бы вместе в квартиру вошли, — на полке стояли стройные подсвечники и большая керамическая маска.

— Ух ты! — удивилась мама. Подошла, потрогала глазурованную щеку и растерянно оглянулась. — Откуда она?

— Из кладовки! — ответил Эрик.

— Ага... Я думала, давно ее расколотила! — Мама не отрываясь смотрела на глиняную физиономию. — Помню, на курсах лепила. Ее еще в другую мастерскую на обжиг таскали, в нашей печка была мала.

Маска внимательно смотрела на маму, словно вспоминала подробности своего появления на свет и долгие месяцы в кладовке — пока наконец с нее не сорвали газету или не стерли пыль, если забыли закутать, и не водрузили на королевское место. Подсвечники тоже лепила мама, они удивительно подходили маске — скорее всего, потому что глазури в той учебной мастерской было не так уж много и покрывать творения приходилось одним и тем же.

Я вспомнила, как мама жаловалась: такие замыслы, а приходится выкручиваться с двумя-тремя цветами.

— Ох как я хотела керамикой заняться, — пробормотала мама, — года два все собиралась и откладывала...

Маска ухмылялась во весь блестящий рот. У камина тоже был довольный вид — казалось, это он маскиным ртом улыбается.

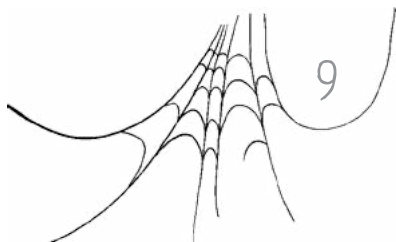
Мы пили чай с пряниками, трепались о том о сем. Бармалей недоверчиво обнюхивал новые кресла, потом обнаглел и принялся точить когти — мы дружно цыкнули и рассмеялись.

Говорили о чем попало: о школе и работе, о новых фильмах и древних легендах. Это было неважно — нам нравилось так сидеть. Когда за окном сумерки, камин трещит, чай пахнет дымом и вообще мы все вместе. Потом оно каждый вечер так повторялось. Иногда мы смотрели кино на мамином компьютере — тоже новом, — но чаще просто разговаривали.

В первый день после каникул Эрик отвез меня в школу на машине.

Я неплохо училась, с одноклассниками ладила, поэтому ненавидеть школу было не с чего. Но и любить тоже. «Ладить» недостаточно, чтобы любить.

Никто меня не обижал, девчонки не задавались, мальчишки не задирали. Я просто была отделена от всех тонкой, но очень прочной прозрачной стенкой, которую, признаюсь, выстроила сама. Так было не всегда. В начальной школе я дружила с Ленкой Ясеновой, рыжей как апельсин

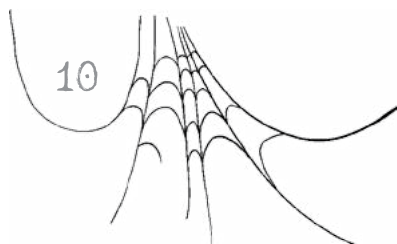
девчушкой. «В комнату заходит — как солнышко посветило!» — говорила о ней бабушка.

Я согласна была называть Ленку солнышком, потому что с ней мне и правда было солнечно. Сидеть за одной партой нам учительница не позволяла, потому что мы болтали без умолку, зато перемены были наши. После уроков мы шли то к нам, то к ней — она жила через два дома по той же улице, в первом классе родители забирали нас поочередно. Иногда мы проводили воскресенья впятером — я с родителями и Ленка с мамой. Мама у нее тоже была рыжая, веселая и солнечная. Она пекла изумительно вкусные пирожки, делала нам кукол из ниток и проволоки, часто смеялась и мурлыкала под нос французские песенки.

И однажды получилось так, что это мы с мамой оказались вдвоем. А папа — с Ленкиной мамой...

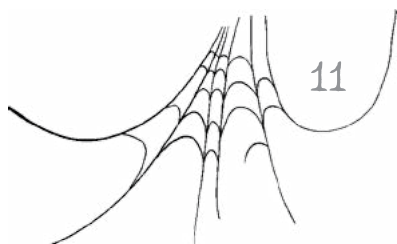
Как раз начались летние каникулы, и мама решила перевести меня в другую школу, но к осени все изменилось: Ленкина мама, как оказалось, уже давно собиралась уехать в Ригу, а к сентябрю и папе нашли там работу, так что все устроилось само собой. Видеть рядом рыжее солнышко мне больше не пришлось.

Первого сентября одноклассники пялились на меня как на диковинку в зоопарке, но учительница быстро это пресекла, взгляды и шепотки прекратились. А я стала строить стенку, через которую прекрасно долетали приветы, вопросы «как решила задачу» или ни к чему не обязывающая болтовня, но что-нибудь посерьезнее и потеплее отскакивало, как мячик.

Сегодня я оказалась в центре внимания — девчонки заметили и новую машину, и белобрысого водителя. Много вопросов они не задавали, но пол-урока поглядывали в мою сторону и шушукались, пока математичка не пригрозила классу письменной работой. Еле дождавшись перемены, они было сунулись ко мне, но вмешалась Полина, моя соседка по парте, и сплетницы быстро скуксилились, а я в очередной раз возрадовалась, что с прошлого года сижу с ней рядом.

Пролетел ноябрь. В магазинах появились рождественские украшения, раза два выпадал снег, но не залеживался. Декабрь стоял удивительно теплый, и меня это радовало — терпеть не могу холода. Мама постриглась, купила новое пальто и поговаривала о том, что стоило бы опять заняться керамикой... можно ведь и печку купить, небольшую, обжигать всякую мелочь? Чашки там, пепельницы? Я тоже строила планы, играла в школьном театре, подумывала о том, чтобы написать пьесу, сочиняла стихи. Полина рисовала к ним иллюстрации — ломких глазастых людей с тонкими пальцами и волосами невероятных цветов. После уроков мы шли к ней или ко мне. Ко мне чаще — у нас в квартире места было больше. Пили чай или какао, жевали печенье, которое мама пристрастилась печь, сочиняли невероятные истории о приключениях в другом, волшебном мире. В моей комнате нам было удобно, но если мы оставались в квартире одни, то перебирались в комнату с камином. Даже если его не топили, здесь сочинялось лучше. «Как в замке!» — вздыхала Полина, она-то жила в панельном доме.

В один из таких теплых дней появился отец.

Они с мамой, как говорили взрослые, «сохранили хорошие отношения», поэтому в доме у нас он время от времени появлялся. Я у них гостить не желала, хотя приглашали — и он, и его новая жена. Ленка молчала, в сетях меня не френдил, и я была этому рада.

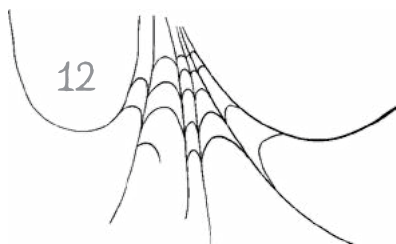
На отцовские сообщения я отвечала аккуратно, а когда поехала с классом в Ригу, согласилась посидеть с ним в кондитерской. Он дарил подарки, спрашивал о школьных делах, звал поехать с новой семьей на курорт, потом мы разбегались, и я тихо радовалась, что живем в разных городах.

Бабушка — та, что с отцовой стороны, — даже как-то пыталась выговаривать маме: настраиваешь Дину против... Ничего подобного, я сама была так настроена.

Пожалуй, сегодня мое настроение немного изменилось. Даже на дежурный вопрос «как дела?» я ответила, для разнообразия, «хорошо». У нас ведь правда все было хорошо, отец это заметил.

— Красиво сделано, — одобрил он, оглядывая гостиную.

Тогда, в прошлой жизни, отец не раз предлагал установить камин и почти было уговорил маму, но тут случилось рыжее солнышко. Мне показалось, что он разглядывает нашу новую гостиную с небольшой досадой: не он сделал. Я рассказывала, как быстро и здорово все происходило, как мы с мамой выбирали шторы по каталогу, потом перескочила на рассказ о школе — проговорила, что дружу с Полиной, он, кажется, обрадовался. Я сварила

какао, отец поставил на стол коробку конфет. Уже очень давно у нас не было такого разговора.

— Хорошо у вас! — сказал отец, кивая в сторону камина. — И маска хороша. На ярмарке купили?

— Мама сама сделала, — пожала я плечами.

— Все-таки занялась! — кивнул он. — Правильно сделала!

И я разозлилась: занималась мама уже не при нем, но все-таки достаточно давно, чтобы во время редких визитов он мог об этом узнать.

— Вообще-то давно уже, — буркнула я, уткнувшись в чашку.

Хорошее настроение мигом улетучилось. Отец понял, что ляпнул что-то не то, неуклюже попытался вернуть разговор на прежние рельсы, но, к счастью, домой вернулся Эрик.

Я вцепилась в его появление как в спасательный круг и наотрез отказалась понимать намеки: может, девочка хочет с папой наедине поговорить? Так что беседу мы продолжали втроем и разговор шел в основном о ремонте. Мужчины держались дружелюбно, но невооруженным глазом было видно, как же они друг другу не нравятся! Я-то это быстро просекла и еле сдерживалась, чтоб не захихикать: надо же, ревнуют! Причем про Эрикову ревность и неприязнь я думала с умилением, а вот отец вызывал у меня только злорадство. Опомнися!

До «опомнися», конечно, было далеко. Вскоре папа начал прощаться, маму он так и не дождался — да и хотел ли? Мы попрощались в дверях, он помялся, хотел что-то сказать, но выговорил только:

— Передавай маме привет. И приезжай в Ригу...все-таки.

— Ага... — кивнула я и добавила про себя: «Привет передам, а в дом к тебе — ни ногой!»

В гостиную я вернулась выжатая как лимон, пожалела было, что тут же не ушла к себе, но отчим не позволил раскиснуть окончательно. Он прекрасно умел слушать, хотя рядом с ним можно было и молчать. Однако вскоре мы не принужденно, как всегда, болтали. Потом разбирали задачу, которая у меня не вытанцовывалась, готовили обед к маминому приходу. С отцом у меня так не выходило. Даже когда он еще жил с нами, то возвращался обычно поздним вечером, уже и уроки были сделаны, и еда готова, и разговоры переговорены — с мамой.

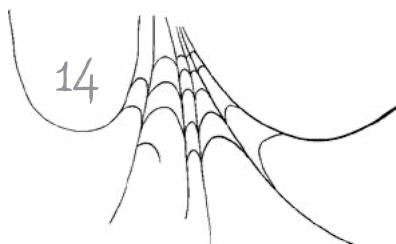
Недели через две папа приехал снова.

На сей раз никаких дел у него, похоже, в городе не было, он именно к нам приехал. Даже в школу пришел, на концерт. Мы с Полиной там тоже участвовали, показывали отрывок из шварцевской «Золушки»*.

Мама сидела рядом с Эриком, и они, пожалуй, были самой красивой парой в зале. Полине я этого, конечно, не сказала — да ей и неважно было, она своих родителей обожала. Они тоже расположились в первом ряду и не сводили глаз со сцены.

Я страшно волновалась, но все прошло гладко. Полина грозно выговаривала: «Ты — девочка, конечно, замеча-

* Пьеса Евгения Шварца «Золушка».

тельная, но не ко времени. Картину портишь. Гредишь, а это заразно», — а я только рот открывала, как рыба, не в силах слова вставить. Зал послушно смеялся над словами мачехи о государстве, которое должно работать. Публике понравилось, когда мы вышли на поклон, нам хлопали усердно.

И тут я увидела отца. Счастье, что мы уже отыграли, а то я бы точно запнулась. Папа стоял у стены, а в руке держал букет гвоздик. Дождавшись, пока откланяется руководительница кружка, он протиснулся к сцене и неловко сунул гвоздики мне, сорвав аплодисменты. Больше никому родители цветов не дарили.

Мы ушли переодеваться, разгримировываться и шумно переживать успех, а в зал вернулись, когда концерт закончился, — после нас оставалось еще два номера. Мама с Эриком уже махали и протискивались в мою сторону, но отец успел раньше.

— Ты молодец! — выдохнул он. — Настоящая Золушка.

— Спасибо... Ты какими судьбами? — буркнула я.

— Мне нельзя на премьеру?

— Ну, это еще не премьера, премьера после Нового года будет. Как ты узнал-то?

— На сайте школы посмотрел. Ты же тихаришься, Комиссаржевская моя.

Я хотела было съязвить: ой, пап, в лесу последний мамонт сдох! Ты же даже на дни рождения ко мне не приезжаешь! Но мама с отчимом уже были рядом и радостно меня поздравляли. У них, оказывается, тоже были цветы,

и не один букет, а два — второй они вручили Полине. А мне еще подарили книгу Михаила Чехова.

— Осилишь? — улыбнулся Эрик. — Ты теперь не отвертишься, настоящая актриса. Ну что, с исполнением желаний?

— Ага! — выдохнула я. С пяти лет мечтала Золушку сыграть.

Родители Полины тоже были рядом, отец их не сразу узнал, но поздоровался и, уллучив минуту, спросил меня шепотом:

— Как эту девочку зовут?

Ну дает!

— Это же Полинка! — прошипела я. — Полина Вуйчик! Забыл?

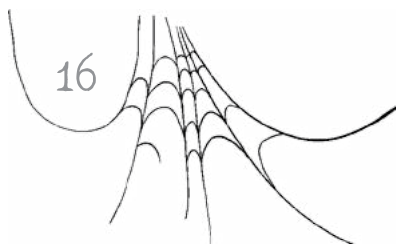
— Извини, — смешался он, — давно с твоими одноклассниками не виделся.

Я уже хотела прошептать: да ты с одной каждый день общаешься! Но Эрик взял меня за руку:

— Ну что, в кафе? Отметим сценический успех?

Они с отцом переглянулись — судя по всему, от папы ожидалось, что он сейчас раскланяется. Но у него были другие планы.

И мы отправились все вместе: Вуйчики в полном составе — на руках мама Полины держала ее крохотную сестренку, — мама, Эрик и папа. Я подумала: предложи поход в кафе не Эрик, а мама или Полинкины родители, отец бы так туда не рвался. Папа с Эриком, как и при первом знакомстве, старательно скрывали неприязнь. Даже руки друг другу при встрече пожали.

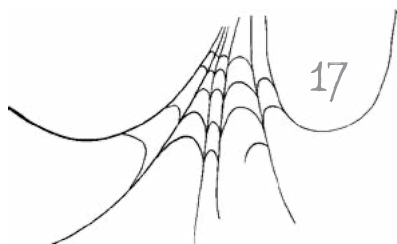

В кафе он выглядел лишним. Мы с Полиной наперебой говорили о школе, о фильмах, которые посмотрели за эти полгода, об играх в телефоне, родители нас добродушно поддразнивали, а ему и сказать-то было нечего. Я понимала, что Ленка тоже что-то смотрит, во что-то играет, учится и занимается чем-то кроме школы. И меня грело, что папа об этом ничего не может сказать, потому что любое напоминание о бывшей подруге меня ранит. На самом деле мне уже и не было так больно, но отказать себе в маленькой мести я не могла.

Маму-то он ранить не смог бы, ей было хорошо. Она очень помолодела и похорошела, а рядом с новым мужем выглядела принцессой. Эрик не демонстрировал подчеркнута заботу, как это делал мой отец, — не отодвигал стул, не подавал пальто с картинным жестом и неременной фразой: «Лиловый негр вам подавал манти». Он просто был рядом — надежный, верный.

Красивый.

В этот день я впервые подумала, что Эрик действительно красив. Не подумайте, я не влюбилась — мне было радостно, что рядом с красивой и молодой мамой такой спутник. Мой родной отец на его фоне выглядел блекло. Усталый, с легкой небритостью, глаза какие-то тусклые. Он внимательно разглядывал то маму, то Эрика, на меня тоже поглядывал и словно хотел что-то сказать. Но что бы он ни произнес, все было невпопад. Пытался завести светскую беседу, спросил отца Полины, кем тот работает, получил

ответ «да все по-прежнему» и завис — явно не мог вспомнить, чем тот занимается.

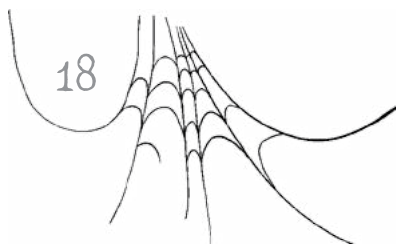
Черт, пусть бы он не помнил всех моих одноклассников, не та у него забота. Но Полинку-то! Мы же с первого класса дружили. Втроем. Сидеть-то нам приходилось врозь, но на переменах мы носились как угорелые, играли в принесенные куклы, дразнили мальчишек. После уроков шли то к нам, то к ней, то к Ленке. Чертили классики на асфальте, играли в тарелочку, гоняли на самокатах.

Да не будь Полины, как бы я училась в классе все эти годы? После того, как Ленка оказалась по ту сторону стеклянной стены?

Мне показалось, что отец хочет поговорить с мамой. Похоже, она в новом своем облике его впечатлила. Она, видимо, тоже это поняла, но подчеркнуто делала вид, что не понимает вообще ничего. Спокойно принимала заботу Эрика, с отцом держалась так, словно бы не прожила с ним несколько лет и не завела меня. В нашей компании он походил на внезапно нагрянувшего дальнего родственника, которого выгнать вроде неловко, но и говорить с ним не о чем, слишком дальнее получилось родство. Мне вдруг стало очень его жалко, захотелось сказать что-нибудь в поддержку или просто взять за руку. Но он сам все испортил.

— Тебе привет от Лены, — тихо шепнул отец на прощание. Вот этого говорить совсем не следовало — мне словно холодной воды за шиворот вылили.

Эрик тут же оказался рядом — спокойный, надежный, наш добрый защитник. Он ничего не сказал, хотя мне

и показалось, что из его глаз полыхнул синий огонь. Это только показалось: отчим попрощался с моим отцом спокойно и вежливо. Он уводил меня прочь, отрезая и от отца, и даже от Полинки с семьей — тем тоже было уже не до нас, — и от всего мира, увлекая в другую, маленькую вселенную, где нас только трое, да еще Бармалей и маска на камине.

Поздно вечером, роюсь в интернете, я узнала, что дарить актрисам гвоздики вообще дурной тон. Будто бы когда-то такой букет преподносили, если не хотели продлевать контракт. Вряд ли папа об этом знал, но у меня не осталось ни крошки радости от того, что он все же приехал. Букет завял быстро, я не расстроилась.

Началась настоящая зима со снегом, которому полагалось радоваться, а у меня никогда не получалось. В этом году холода переживались намного приятнее, чем раньше: в оконные щели не дуло, пылал камин, Эрик готовил глинтвейны — для себя и мамы обычный, из вина, а мне варил ароматное зелье из клюквенного сока. По Вильнюсу плыл колокольный звон, катался сказочный паровозик, сияющий десятками лампочек. В углу гостиной мы водрузили елку, а маску украсили мишурой.

Рождество* провели у бабушки, а в Новый год гуляли на площади, запускали петарды и бумажные фонарики. Ездили в Прагу, потом еще куда-то — дни смешались

* В Литве, как и в большинстве стран Европы, Рождество празднуют 25 декабря.

